

Современный индивидуализмъ въ этическомъ отношеніи.

I.

Характерной чертой новѣйшаго времени является необыкновенное развитіе чувства личности. Сильное до жгучести это чувство даетъ о себѣ знать при всякомъ даже незначительномъ давленіи со стороны. Параллельно съ этимъ мы наблюдаемъ и особую интенсивность въ борьбѣ сознающей себя личности съ гнетущимъ ее деспотизмомъ. Въ современной жизни все ярче и ярче выражается тенденція къ эмансипаціи, къ высвобожденію индивидуума отъ разныхъ стѣсняющихъ его путъ. Современный человѣкъ стремится къ сверженію „крѣпостного права“ надъ личностью и къ завоеванію правъ на полную свободу и независимость. Въ его сознаніи растетъ значеніе инициативы, личнаго творчества и онъ хочетъ жить и дѣйствовать по своей волѣ, а не по чужой указкѣ.

Этими же чертами отличается и современное моральное мышленіе и настроеніе. Индивидуализмъ въ области этики это—частный моментъ общаго движенія. Этические индивидуалисты горячо вооружаются противъ нравственнаго закабаленія, противъ желѣзнаго кольца морализма, сдавливающего въ своихъ тискахъ живую личность. Они стоятъ за независимое самоопредѣленіе, своего рода *self-government*, въ области нравственной жизни, выдвигаютъ на первый планъ моральное право личности отстаивать интересы своего развитія, ограждаетъ свое „я“ отъ всякихъ на него посягательствъ со стороны.

Въ ряду лицъ, которыя явились наиболѣе яркими представителями этического индивидуализма въ наше время, выдающееся мѣсто принадлежитъ Фридриху Ницше. Его индивидуалистическія идеи производили у насъ настолько сильное впечатлѣніе, что многіе называли его „властителемъ думъ“, превосходнымъ выразителемъ тѣхъ влеченій и чувствъ, которыя захватывали и волновали личность глубоко и сильно. На него смотрѣли какъ на самаго радикальнаго борца за независимость, проповѣдовавшаго, такъ сказать, свободу въ квадратъ: въ то время какъ у насъ еще только разгоралась борьба сознательныхъ элементовъ за освобожденіе общества отъ бюрократической опеки, Ницше звалъ личность на борьбу за освобожденіе отъ освобожденнаго уже общества.

Этотъ анархистъ въ области морали оказалъ сильное вліяніе на художественную литературу новѣйшаго времени. Сочиненія Гауптмана, Пшибышевскаго, у насъ—Горькаго, несутъ на себѣ отпечатокъ индивидуалистическихъ воззрѣній Ницше. Въ рѣчахъ литейщика Генриха („Потонувшій колоколъ“) повторяются чуть не буквально выраженія, взятая изъ „Zur Genealogie der Moral“¹⁾. Фалькъ (Homo Sapiens) говоритъ языкомъ Заратустры, тоже самое нужно сказать и относительно босяковъ Горькаго.

Символическое искусство новѣйшаго времени тоже проникнуто индивидуалистическими тенденціями и такъ называемые декаденты имѣютъ несомнѣнную, пожалуй, даже генетическую связь съ Ницше.

Самъ Ницше не былъ строгимъ, послѣдовательно и до конца выдержаннымъ индивидуалистомъ. Внимательное изученіе его произведеній открываетъ въ нихъ присутствіе идей совсѣмъ иного порядка. Ницше былъ художникъ по натурѣ и мистикъ въ дуплѣ. Эти эстетическія чувства и мистическія наклонности сглаживали нѣсколько остроту его индивидуализма и давали просторъ сверхъиндивидуальному элементу, какъ это и можно наблюдать въ его „Also sprach Zarathustra“. Тогда и самый индивидуализмъ окрашивался универсальными тонами, и въ этомъ синтезѣ индивидуалистическія воззрѣнія пріобрѣтали уже иной смыслъ и значеніе. Основной идеей Ницше была идея сверхчеловѣка.

1) См. книжку Роде: Гауптманъ и Ницше.

Она была, можно сказать, идеей всей его жизни. По словамъ его сестры Елизаветы Ферстеръ-Ницше, его съ самыхъ лѣтъ влекло къ себѣ все сверхчеловѣческое. Грандіозный образъ сверхчеловѣческаго существа постоянно виталь предъ его духовнымъ взоромъ, часто промелькивалъ онъ и на страницахъ его сочиненій. Находятъ нѣсколько типовъ формулировки этой основной идеи у Ницше. Самой глубокой несомнѣнно была мистико-эстетическая концепція. Ее мы находимъ въ *Also sprach Zarathustra*. Здѣсь замѣтны симптомы преодоленія индивидуализма, этические идеалы проникаются универсальными элементами. Сверхчеловѣкъ Заратустры стоитъ за гранью индивидуализма и озаренъ блескомъ божественности, этический идеалъ тутъ непосредственно переходитъ въ религію сверхчеловѣка. Передъ Ницше раскрывались широкія перспективы вселенской цѣли, безконечность этического горизонта. Въ религіозной концепціи сверхчеловѣка приходили въ тѣсное прикосновеніе и идея индивидуализма и идея единства всѣхъ въ сверхчеловѣкѣ. Въ немъ Ницше видѣлъ искупителя отъ бѣдности человѣческаго существованія ¹⁾. Въ этомъ идеалѣ заключалось величіе, успокоеніе и свѣтъ для его души, та „великая тройца радостей“, о которой онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій.

Образъ сверхчеловѣка какъ бы отбрасывалъ свои лучи на этические построенія Ницше и смягчалъ ихъ индивидуалистическій колоритъ. Ученіе Заратустры объ „аристократіи“ (*Adel*) носить возвышенный характеръ. „Дѣти Заратустры“, — эти благородные аристократы духа, — живутъ въ далекой странѣ „на блаженныхъ островахъ, отъединенно отъ другихъ только потому, что для нихъ пока еще нѣтъ мѣста въ обстановкѣ современной жизни. Но горячимъ желаніемъ Заратустры является то, чтобы этотъ островъ дѣтей образовался и въ области человѣческихъ отношеній. „Вы одинокіе настоящаго, вы, удаляющіеся, нѣкогда должны образовать народъ; изъ васъ, избравшихъ самихъ себя, долженъ произойти избранный народъ, а изъ него сверхчеловѣкъ“ (О дарящей добродѣтели II).

Къ сожалѣнію, Ницше не удалось преодолѣть совершенно свой индивидуализмъ и, переступивши черезъ порогъ его,

1) E. Hartmann, *Ethische Studien*, Leipzig 1898, s. 66.

стать твердой ногой по ту сторону его. Тѣ струны внутренней жизни Ницше, о которыхъ мы только что говорили, были лишены возможности дать полный и чистый звукъ, не осложненный диссонирующими тонами. Даже въ *Also sprach Zarathustra*, гдѣ такъ сильно сказались потребности религіознаго характера, и тамъ „жало“ индивидуализма постоянно даетъ знать о себѣ. Голосъ религіозной настроенности пѣлъ Ницше пѣсню о Вѣчности (пѣснь о „Да“ и „Аминь“, а также одинъ изъ диэпирамбовъ Діониса) и подъ эту пѣсню стихала на время его бунтующая душа, примирялись жившія въ ней антиноміи и онъ ощущалъ, хотя на короткій моментъ, симфонію истинной жизни. Однако, желаніе остаться независимымъ ни отъ кого и ни отъ чего было развито въ немъ почти до болѣзненности. Острою болью отзывались на немъ всякій нажимъ, всякое давленіе отвнѣ. Въ его сочиненіяхъ постоянно сказывается гордое чувство „я“, какъ, *arrière-fond* его мыслей. И какъ только индивидуалистическія чувства брали перевѣсъ, такъ измѣнялся характеръ раскрытія и обоснованія его центральной идеи сверхчеловѣка. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Ницше, особенно въ „*Антихристѣ*“, этой идеѣ придется сильная индивидуалистическая окраска и вмѣстѣ съ тѣмъ его созерцаніе утрачиваетъ возвышенный идеалистическій характеръ, сбивается на колею чистаго натурализма. Наслѣдственность, вѣковой отборъ, теоріи о природномъ антогонизмѣ расъ,—все это привлекается для обоснованія индивидуализма въ этикѣ и этическихъ идеалахъ. Ученіе о новой аристократіи уже трактуется на почвѣ антропологіи, вмѣсто аристократіи духа выдвигается аристократизмъ крови.

Вообще индивидуализмъ, какъ видно, занималъ господствующее положеніе въ духовномъ строѣ Ницше и въ его воззрѣніяхъ. И какъ для Канта, напримѣръ, отличительной чертой является его интеллектуализмъ, а не ученіе о приматѣ практическаго разума, такъ и для Ницше характернымъ является именно индивидуализмъ. Въ статьѣ о „Сверхчеловѣкѣ Ницше“ 1), мы старались подчеркнуть у Ницше симптомы преодоленія индивидуализма, теперь мы будемъ имѣть съ нимъ дѣло, какъ съ индивидуалистомъ,

1) См. Вѣра и Разумъ за 1906 г. кн. 1—4.

и попытаемся охарактеризовать его этическій индивидуализмъ.

II.

Было бы напрасно искать у Ницше логической разработки идей индивидуализма. Въмѣсто этого мы находимъ только афоризмы, краткія, но энергичныя, изреченія, въ которыхъ онъ съ обычной рѣзкостью и пластичностью выражалъ свои мысли.

Ницше-индивидуалистъ всецѣло проникнутъ духомъ оппозиціи. Онъ не выносить чувства зависимости, ему претитъ вѣчная оглядка на общепринятое. „Нужно, говорить онъ, отдѣлаться отъ дурной привычки стремиться быть въ согласіи съ другими. Хорошее больше не хорошо, если оно во рту у сосѣда. И какъ возможно еще какое то „общее благо“. Это выраженіе содержитъ внутреннее противорѣчіе; чтó можетъ быть общимъ, то никогда не можетъ имѣть большой цѣны“. Ницше какъ будто доставляетъ особенное удовольствіе разрушительная анархическая работа, или, какъ онъ выражается, „свободное, безстрашное пренебреганіе людьми, обычаями, законами, общепринятой оцѣнкой вещей“. И этотъ оппозиціонный духъ, это стремленіе отрѣшиться отъ обычной оцѣнки вещей доходить у него до крайнихъ предѣловъ. „Никому онъ не былъ подвластенъ“,—говоритъ съ восторгомъ Ницше о Шопенгауэрѣ. Лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться,—такъ можно выразить его настроеніе. Ницше клеймилъ презрѣніемъ все, что носитъ хотя бы тѣнь рабской угодливости, уступчивости, пассивности, все, что при-нижаетъ достоинство человѣка, сознающаго себя свободной, независимой личностью. Безличность, по нему, не имѣетъ цѣны ни на небѣ, ни на землѣ ¹⁾. Онъ ненавидитъ демократическіе вкусы, стремленіе все окрасить подъ общій цвѣтъ массы. Свобода, независимость, самобытность, мощь, таковы, по Ницше, желательныя свойства этической личности, они необходимы прежде всего и больше всего.

Съ такими взглядами и убѣжденіями подходитъ Ницше къ критикѣ существующихъ типовъ морали.

Исходя изъ идеи сильной, свободной, активной личности, Ницше осуждаетъ весь современный укладъ нравственной

¹⁾ Веселая наука § 345.

жизни, потому что онъ дѣлаетъ людей слабыми, безвольными, пассивными существами. Въ современныхъ моральныхъ взглядахъ и ученіяхъ онъ видитъ выраженіе мѣщанскаго духа и филистерства. О Давидѣ Штраусѣ, который, по его мнѣнію, является воплощеніемъ филистерства, онъ говоритъ, между прочимъ: „Въ области нравственныхъ понятій онъ (Штраусъ) не сдѣлаетъ никакихъ опасныхъ нововведеній... Онъ не отважится, напримѣръ, на откровенный совѣтъ всякой личности—стремиться къ свободному развитію всѣхъ ея свойствъ, стремиться къ тому, чтобы быть „самой собой“, не допуская никакихъ ограниченій и зазрѣній совѣсти; нѣтъ, онъ укажетъ, правда, на естественное неравенство людей, но тутъ же присовокупитъ фразу, которая даетъ ему возможность реабилитировать всѣ правила прописной морали: „Ни на секунду не забывай, что и всѣ другіе—такіе же люди, какъ и ты, т. е. при всѣхъ индивидуальныхъ различіяхъ они-то же, что и ты, имѣютъ такія же потребности и стремленія“. Во всѣхъ существующихъ типахъ морали Ницше находитъ симптомы общаго упадка, признаки вырождающейся эпохи, которая и сама не способна создать свободной могучей личности и препятствуетъ въ то же время людямъ, имѣющимъ задатки творческой натуры, развиваться въ такую личность.

Ницше испытываетъ крайнее чувство отвращенія къ христіанской морали, краеугольнымъ камнемъ которой онъ считаетъ чувство состраданія, при чемъ видимо беретъ послѣднее въ формѣ чувствительнаго сентиментализма. Эта мораль жалости, по его выраженію, „не имѣетъ головы и состоитъ какъ бы только изъ сердца и подающихъ помощь рукъ“. И онъ старается,—говоримъ его словами,—„безъ всякой жалости привлечь къ допросу и подвергнуть суду чувство преданности, самопожертвованія въ пользу ближнихъ, всю мораль самоотреченія“. Мягкость, уступчивость, всепрощеніе это—рабскія добродѣтели, а мораль, культивирующая ихъ, есть „мораль рабовъ“. Въ ней ужъ слишкомъ много по его взгляду, самоотреченія, отказа отъ своей личности, отъ своего „я“. „Зачѣмъ такъ мягко, такъ уступчиво? Къ чему такъ много отреченія, самоотреченіе въ вашихъ сердцахъ? 1) —го-

1) Also sprach Zarathustra, Leipzig 1904, S. 312.

ворить Заратустра. Онъ часто направляетъ свои рѣчи противъ состраданія, какъ слабости, и называетъ ее „добродѣтелью маленькихъ людей“ ¹⁾. Чувство состраданія, вотъ чего всего болѣе онъ страшится. Богъ умеръ, говоритъ онъ, и умеръ именно потому, что задохнулся отъ великаго состраданія къ людямъ ²⁾. Въ концѣ концовъ мораль состраданія и жалости превращаетъ весь міръ въ лазаретъ, при чемъ каждый одновременно оказывается и больнымъ и сидѣлкой у постели больного.

Еще болѣе вооружается Ницше противъ морали альтруизма въ аскетической концепціи ея. Она отнимаетъ у человѣка его „я“, она проповѣдуетъ, что нужно обуздывать свои страсти, но значеніе ея такое же, какое и клѣтки для звѣрей. Клѣтки можетъ быть и укрощаютъ дикихъ звѣрей, но никакъ не улучшаютъ. Угнетеніе личности предписаніями, направленными противъ ея свободнаго развитія, доходитъ здѣсь до апогея. Аскетизмъ—врагъ личности. Своей догмой о грѣховности онъ упрочиваетъ въ человѣкѣ недовѣріе къ своимъ силамъ, подкашиваетъ всѣ порывы личности. Сильныя натуры, находясь въ тискахъ аскетической морали, только понапрасну истощаютъ свою богатую энергію въ процессѣ самобичеванія и самоугрызенія. Стараясь убить въ человѣкѣ гордыню самолюбія, эта мораль убиваетъ въ немъ и всякое самоуваженіе. Въ „Zur Genealogie der Moral“ Ницше не щадитъ красокъ для изображенія будто бы губительнаго вліянія аскетической морали и ея идеаловъ. Изъ нея произрастаетъ, по его словамъ, пессимизмъ, отвращеніе ко всему, отсутствіе воли ³⁾. Аскетическая мораль дѣлаетъ людей духовными калѣчками, страдающими параличемъ воли, не могущими проявить максимума своего энергизма. Въ слабыхъ личностяхъ она только усиливаетъ психическую аномію, обрекаетъ ихъ на жизнь какихъ-то добродѣтельныхъ мумій. Однимъ словомъ, по взглядамъ Ницше, нашедшимъ особенно яркое выраженіе въ послѣднихъ его произведеніяхъ, христіанская аскетическая мораль является чѣмъ то въ родѣ цѣпи на шеѣ, желѣзныхъ оковъ на рукахъ и ногахъ, это—

¹⁾ Also sprach Zarathustra, s. 385.

²⁾ Also sprach Zarathustra, s. 379, 130.

³⁾ Zur Genealogie der Moral. s. 90.

ядъ, убивающій въ человѣкѣ все живое, сильное, могучее. „Я знаю два самыхъ ужасныхъ яда для человѣчества, говорить Ницше, это—алкоголь и христіанство“. Альтруизмъ, по Ницше, не только поработачаетъ личность, онъ убиваетъ ее. Наложивши печать осужденія на всѣ страсти, аскетическая мораль остается при однихъ маленькихъ и „умаляющихъ“ добродѣтеляхъ (*die verkleinernde Tugend*) ¹⁾. Ригоризмъ неизбежно приводитъ къ лицемѣрію ²⁾, когда человѣкъ не въ силахъ оказывается сдерживать инстинкты чувственной природы и „песъ чувственности“ смотритъ изъ его добродѣтелей. „Многіе, желавшіе изгнать своего искушителя, сами обратились при этомъ въ свиней“ ³⁾. Таковы, по воззрѣнію Ницше, плоды аскетической морали.

Представленіе о препятствіяхъ къ развитію сильной личности руководитъ Ницше и при оцѣнкѣ другихъ видовъ современной морали, какъ то утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма. Въ нихъ онъ тоже усматриваетъ признаки упадка и вырожденія личности. „Гедонизмъ или пессимизмъ, утилитаризмъ или эвдемонизмъ, — все это виды поверхностнаго мышленія и наивности, и всякій, кто сознаетъ въ себѣ творческую силу и художественное пониманіе, можетъ смотреть на нихъ не иначе, какъ съ усмѣшкой и даже жалостью“ ⁴⁾.

Особенно ѣдко отзываясь Ницше объ эвдемонизмѣ и его морали, которая представляется у него чѣмъ то въ родѣ стекляннаго колпака для извѣженныхъ существъ. Эвдемонизмъ стремится устранить изъ жизни все то, что можетъ причинить человѣку страданіе, безпокойство, нарушить безопасность и мирный сонъ обывателя. Между тѣмъ, по Ницше, страданіе и „великое безпокойство“ содѣйствуютъ повышенію человѣческаго типа ⁵⁾. Императивъ эвдемонистической этики это—императивъ стадной боязливости и трусости, которая избѣгаетъ всякаго риска, всякаго рѣшительнаго шага, а тѣмъ болѣе уже прямой опасности. Идеаль эвдемонистовъ—счастье коровъ, туло пережевывающихъ свою жвачку на зеленомъ

¹⁾ Also spr. Zar. S. 245.

²⁾ Also spr. Zar. S. 48.

³⁾ Also spr. Zar. S. 79.

⁴⁾ Jenseits von Gut und Böse, s. 180.

⁵⁾ Ibid. s. 180.

лужкѣ. И это счастье, какъ полное отсутствіе глубины чело-
вѣческихъ потребностей, ничѣмъ не отличается отъ пош-
лости 1).

Для нихъ какъ будто чѣмъ меньше сильныхъ желаній,
бурныхъ аффектовъ, тѣмъ это лучше, потому что все это
вредить ихъ желудку. Ницше не связываетъ эвдемонизмъ
съ опредѣленной моральной доктриной. Имъ, по его мнѣнію,
проникнута вся моральная атмосфера новѣйшаго времени.
Всѣ ищутъ въ нравственности какъ будто только хорошаго
сна и добродѣтели, цвѣтущей макомъ 2). „Блаженны эти сон-
ливые, говоритъ Заратустра, ибо они должны скоро зас-
нуть“ 3). Въ изнѣживающей атмосферѣ эвдемонизма вывѣт-
риваются всѣ свойства натуры сильной, смѣлой, свободной.
Имъ устанавливается торжество срединности, посредствен-
ности. Онъ ввергаетъ человѣка въ самую глубину мѣщан-
ской пошлости, онъ создаетъ отвратительный типъ „послед-
няго человѣка“. „Смотрите, я покажу вамъ послѣдняго че-
ловѣка, говоритъ Заратустра. „Что такое любовь? Что такое
творчество? Стремленіе? Что такое звѣзда?“ Такъ спраши-
ваетъ послѣдній человѣкъ и при этомъ моргаетъ глазами.
Малой стала земля, а по ней скачетъ послѣдній человѣкъ,
который все умѣетъ умалить“ 4).

Итакъ, всѣ существующія моральныя цѣнности являются
для Ницше „цѣнностями упадка“. Они содѣйствуютъ край-
нему измельчанію типа человѣка, уничтоженію въ немъ, или
покрайней мѣрѣ сглаживанію индивидуальности. Свой умъ,
своя сила, сознаніе своей личности, все это принижено. Люди
стали похожи на мелкій, ровный песокъ. „Я иду среди
этихъ людей, говоритъ Заратустра, и дивлюсь: *они измель-*
чили и все еще мельчаютъ, и приводитъ къ этому ихъ ученіе
о счастьи и добродѣтели... Добродѣтелию они называютъ то,
что дѣлаетъ ручнымъ и скромнымъ: имъ уже удалось та-
кимъ путемъ превратить волка въ собаку, — а самого чело-
вѣка—въ лучшее изъ домашнихъ животныхъ. Они вѣдь и
въ добродѣтели своей скромны, ибо ищутъ благополучія.

1) Человѣческое слишкомъ человѣческое § 534.

2) Also spr. Zar. s. 40

3) Also spr. Zar. s. 40

4) Also spr. Zar. s. 19.

А съ благополучіемъ могутъ мириться лишь скромныя добродѣтели. Правда, и они проповѣдуютъ по своему шаганіе, и даже шаганіе впередъ, но я называю это *ковыляніемъ*. И съ этимъ ковыляніемъ они мѣшаютъ всякому, кто спѣшить... Сколько вижу я кругомъ доброты, столько слабости; сколько справедливости и состраданія, столько слабости. Всѣ они кругленькіе, аккуратненькіе и добренькіе другъ къ другу, какъ песчинки круглы, аккуратны и добры одна къ другой“¹⁾.

Человѣкъ, по Ницше, долженъ освободиться отъ такихъ добродѣтелей, отъ этихъ „цѣнностей упадка“, подобно льву стать могучимъ и сильнымъ, не признающимъ надъ собою власти чешуйчатого дракона „ты долженъ“²⁾. Онъ объявляетъ себя аморалистомъ, стоящимъ по ту сторону добра и зла. „Впередъ!—воскликаетъ онъ. Сомкнемъ уста! глядите зорче! твердо держите руль! Мы переступаемъ мораль“³⁾. Однако уже по самому тону рѣчей Ницше можно заключить, что предъ нами не холодный скептикъ, утратившій вѣру въ правду и добро, а горячій искатель ихъ, который никогда не можетъ отдаться совершенно въ плѣнъ моральнаго всеотрицанья. Его скептицизмъ принялъ форму бунта, возстанія, непримиримой войны противъ существующаго во имя новаго. Оппозиціонный духъ соединяется въ немъ съ духомъ новаторства: онъ разбиваетъ „старыя скрижали“, чтобы создать новыя. Въ этическія построенія имъ вносится духъ индивидуализма.

III.

Ницше прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что моральныя нормы подвижны, измѣнчивы. „Бывали другія времена, и иное считалось зломъ и добромъ“,—говоритъ Заратустра⁴⁾. „Многое, что у одного народа называлось добромъ, у другого называлось позоромъ“⁵⁾. Каждый народъ вывѣшивалъ свою скрижаль моральныхъ цѣнностей, и вообще

¹⁾ Also spr. Zarath. s. 247—249.

²⁾ Also spr. Zarath, s. 34.

³⁾ Jenseits von Gut und Böse § 23.

⁴⁾ Also spr. Zar. s. 54.

⁵⁾ Also spr. Zar. s. 54.

въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ много человѣческаго слишкомъ человѣческаго. Въ области моральныхъ взглядовъ царить настоящее смѣшеніе языковъ, каждый народъ говорить на своемъ языкѣ о добрѣ и злѣ ¹⁾. „Истинно создали для себя все добро и зло люди. Истинно, они не заимствовали и не находили его, и оно не упало къ нимъ, какъ голосъ съ небесъ.... Созидателями были прежде народы, и лишь позднѣе были ими отдѣльныя личности“ ²⁾. На моральныхъ нормахъ лежать „слѣды прошедшихъ мимо львиныхъ натуръ“.

Все это, по Ницше, свидѣтельствуетъ о полной субъективности моральныхъ нормъ. Все для него лишь субъективныя влеченія, кристаллизовавшіяся въ правила и нормы. „Мораль это—языкъ аффектовъ,“—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Ницше ³⁾. А между тѣмъ эти субъективныя нормы облакались ореоломъ высшаго происхожденія, имъ придавали безусловное и непреходящее значеніе. На самомъ дѣлѣ нѣтъ неприкосновенныхъ этическихъ догматовъ, все въ области морали подвержено колебанію, измѣнчивости безъ конца и границъ. „Все въ потокѣ, говоритъ Заратустра,—всѣ цѣнности вещей, все добро и зло“ ⁴⁾.

Въ мірѣ нѣтъ единой цѣли, въ области нравственности тоже: каждому предоставляется вложить свою цѣль, придать смыслъ своей нравственной дѣятельности. Такъ открывается просторъ для свободнаго индивидуальнаго творчества въ области морали. Изъ факта субъективности моральныхъ нормъ и отсутствія единой для всѣхъ цѣли нравственной дѣятельности, для Ницше вытекаетъ законное право на созданіе своего собственнаго нравственнаго критерія. Человѣкъ въ правѣ не подчиняться традиціонной морали, онъ можетъ свободно относиться къ тѣмъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, какія онъ получилъ въ качествѣ приданаго еще съ колыбели ⁵⁾. Всякія стѣсненія въ области морали должны пасть. Она—арена для проявленія свободной игры творческихъ силъ. Это творчество понимается у Ницше въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Оно означаетъ не только то, что всѣ имѣютъ

¹⁾ Also spr. Zar. s. 69. 70.

²⁾ Also spr. Zar. s. 85. 86.

³⁾ Jenseits von G. und B. s. 106.

⁴⁾ Also spr. Zar. s. 293.

⁵⁾ Also spr. Zar. s. 283.

право участвовать въ созданіи одного общаго моральнаго закона, но что моральныхъ законовъ можетъ быть столько же сколько индивидуумовъ. Требованіе единой нравственности для всѣхъ это—ограниченіе для натуръ съ творческими задатками. Напротивъ, устанавливая этический идеалъ не подъ чужимъ вліяніемъ и давленіемъ, а единственно по голосу своего индивидуальнаго „я“, такіа натуры проявляютъ максимумъ энергизма и свободы. Надо стараться, по Ницше, найти самого себя и въ этомъ исканіи постепенно освобождаться отъ всего, навязаннаго извнѣ. Необходимо „сдѣлать изъ себя цѣльную личность и во всемъ, что дѣлаешь, имѣть въ виду ея высшее благо,—это поведетъ дальше, чѣмъ порывы и дѣйствія въ пользу другихъ“. „Слѣдуй за собой“,—таковъ девизъ Ницше—индивидуалиста. Вѣра въ себя, гордый аристократизмъ составляетъ характерную особенность его этического индивидуализма. Ницше самъ раскрываетъ понятіе аристократизма въ примѣненіи къ этикѣ. „Вотъ признаки аристократизма,—говоритъ онъ,—никогда не низводитъ нашихъ собственныхъ обязанностей до общихъ обязанностей; не отказываться отъ собственной отвѣтственности и не желать дѣлать ее; считать свои права и пользованіе ими за свои обязанности“. Какъ видимъ, Ницше, при всемъ своемъ отвращеніи къ категоріи долга, однако, сохраняетъ ее для своихъ этическихъ построеній, которыя у него не лишены нормативнаго характера. Для него существуетъ и моральный долгъ и моральная отвѣтственность. Только все это имѣетъ отношеніе къ самому индивидууму. У каждаго можетъ быть свой собственный индивидуальный долгъ. „Свободенъ отъ чего? Какое дѣло до этого Заратустрѣ? Но твое око ясно должно повѣдать мнѣ: свободенъ для чего? Можешь ли ты самъ себѣ дать свое добро и зло и повѣсить надъ собой свою волю, какъ законъ?“¹⁾ вмѣстѣ съ понятіемъ объ индивидуальномъ долгѣ мы встрѣчаемъ у Ницше и понятіе объ индивидуальной добродѣтели. „Братъ мой, если у тебя есть добродѣтель и она твоя добродѣтель, ты одинъ нераздѣльно владѣтель ея... Такъ говори громко и шепотомъ: „это—мое достояніе, я люблю его, и потому оно нравится мнѣ, и одинъ я желаю владѣть имъ. Но не потому желаю

¹⁾ Also spr. Zar. s. 92.

я владѣть имъ, чтобы это было божественнымъ закономъ, и не потому я желаю владѣть имъ, чтобы это было человѣческимъ постановленіемъ и необходимостью... Но эта птица у меня свила гнѣздо свое: поэтому я люблю и ласкаю ее"... Такъ обязанъ ты говорить о своей добродѣтели и превозносить ее" ¹⁾).

Моральныя обязанности въ этическомъ индивидуализмѣ сливаются съ моральными правами и все концентрируется около индивидуальной личности, суверенитетъ которой настойчиво проповѣдуется. Такъ получается основная добродѣтель этического индивидуализма—*Selbstsucht*. Въ ученіи о ней у Ницше замѣчается нѣкоторая двойственность: когда онъ рассматриваетъ ее подъ аспектомъ любви къ дальнему, то это *Selbstsucht* очищается отъ узко-индивидуалистическихъ тенденцій, и Ницше съ особеннымъ стараніемъ стремится отличить его отъ себялюбія, когда же индивидуалистическая стихія всецѣло захватываетъ Ницше, эта добродѣтель уже ниспадаетъ до уровня обычнаго эгоизма, при чемъ право на эгоизмъ основывается на біологіи. Такъ Ницше обращаетъ вниманіе на то, что сама „жизнь есть въ самомъ существѣ своемъ присвоеніе, поврежденіе, насиліе, угнетеніе, жестокость" ²⁾. Природа не знаетъ альтруистическихъ добродѣтелей. Въ любви къ полнотѣ жизни въ себѣ и только въ себѣ, въ максимальномъ развитіи въ себѣ воли къ мощи (*Wille zur Macht*) заключается вся индивидуалистическая этика. „Дарящей добродѣтели" (*Schenkende Tugend*) т. е. любви къ полнотѣ жизни въ другихъ индивидуумахъ, для Ницше-индивидуалиста уже не существуетъ и ученіе о ней исчезаетъ со страницъ его сочиненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и единый образъ сверхчеловѣка, несравнимаго и несоизмѣримаго ни съ кѣмъ, раскалывается на множество отдѣльных „сверхчеловѣковъ" (*Uebersmenschen*). Конечнымъ идеаломъ этического индивидуализма является возникновеніе породы людей, которые въ себѣ самихъ, въ своей волѣ, находятъ мѣрило для своихъ оцѣнокъ, смотрятъ на другихъ чрезъ свое „я" ³⁾. Такимъ личностямъ Ницше даетъ различныя наименованія:

1) Also spr. Zar. s. 49. 50.

2) Jenseits von Gut und Böse, s. 238.

3) Zur Genalogie der Moral, s. 61.

„горныя породы человѣчества“, „львиныя натуры“, „тропическія люди“. „Эти „Одинокіе“, освободившіеся отъ всякихъ путъ, стоятъ на недосыгаемой аристократической высотѣ. На протяженіи исторіи не разъ попадаются такія властныя личности, которые проявили максимумъ энергизма. Ихъ Ницше переноситъ въ область сверхчеловѣческаго, въ нихъ видитъ высшія формы индивидуальной жизни. Такъ, напр., Наполеонъ, по нему, заключаетъ въ себѣ синтезъ нечеловѣческаго и сверхчеловѣческаго элемента ¹⁾.

Культура, прогрессъ, имѣютъ свой смыслъ въ выработкѣ такихъ высшихъ типовъ человѣчества, при чемъ „чернь“, „толпа“, „слишкомъ многіе“ (*viel-zu-viele*) играютъ роль подмостковъ. „Общество, говоритъ Ницше въ „*Jenseits von Gut und Böse*“, должно существовать не ради самого общества, а единственно въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ высшій родъ существъ могъ бы подняться къ высшей своей задачѣ. Таковы жадныя до свѣта вьющіяся растенія на островѣ Явѣ, извѣстныя подъ названіемъ *Sipo Matador*; они своими вѣтвями обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, въ свободномъ свѣтѣ не распускаютъ своего вѣнца“ ²⁾... Въ такихъ образахъ рисуются у Ницше идеалы этического индивидуализма.

IV.

Не требуется особой проницательности, остроты критики для того, чтобы поймать Ницше на противорѣчіяхъ. Логическая слабость его построеній бросается прямо въ глаза. На фонѣ общей яркости индивидуалистическихъ чувствъ по контрасту особенно рельефно выдается спутанность въ понятіяхъ и терминахъ, которыми онъ по преимуществу оперируетъ. Остается такое впечатлѣніе: рѣзкіе краски и неопредѣленные контуры. Не видно стремленій установить точно и твердо логическіе предѣлы основныхъ понятій, ихъ *terminus a quo* и *terminus ad quem*, нѣтъ строгаго и послѣдовательнаго аналитическаго раскрытія идей этического индивидуализма. Въ этомъ отношеніи индивидуализмъ Ницше зна-

¹⁾ Zur Genalogie der Moral, s. 53

²⁾ Jenseits von Gut und Böse, s. 236. § 258.

чительно уступаетъ Штирнеровскому. Штирнеръ, — „нищеанецъ 40-хъ годовъ“, прошелъ хорошую философскую школу, его индивидуализмъ, имѣющій генетическую связь съ фиктеанствомъ, представляетъ довольно стройное и глубокое раскрытіе индивидуалистическихъ идей. Между тѣмъ Ницше былъ ученикомъ Шопенгауэра-интуитивиста и являлся собственно художникомъ мысли, а не аналитикомъ.

Укажемъ кратко формально-логическіе недостатки его построений.

Этический индивидуализмъ полагаетъ моральную цѣнность въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Центральной идеей въ немъ является идея индивидуальной личности. Стремленіе къ образованію личности могучей, сильной, возможно большее вниманіе къ ней это—первая и послѣдняя задача индивидуалистической этики. Въ личности—источникъ, цѣль и побужденіе этической дѣятельности, словомъ — вся „тріада этики“.

Нужно однако замѣтить, что это центральное понятіе у Ницше недостаточно выяснено и взгляды на сущность личности страдаютъ крайней неустойчивостью; въ одномъ случаѣ этому понятію придается такой смыслъ, въ другомъ—совершенно иной. Преобладающая точка зрѣнія Ницше на личность, повидимому, чисто феноменалистическая. Онъ различаетъ въ человѣкѣ „малый разумъ“ (die kleine Vernunft), т. е. интеллектъ,—разумъ въ обычномъ, не философскомъ смыслѣ этого слова, и—„великій разумъ“ (die grosse Vernunft), т. е. совокупность жизненныхъ инстинктовъ, проявленій под-сознательной психической жизни ¹⁾. Въ этомъ „великомъ разумѣ“ полагается и индивидуальное начало „самъ“ (das Selbst). „За твоими мыслями и чувствами, братъ мой, стоитъ болѣе могущественный повелитель, безвѣстный мудрецъ,—это—„самъ“ (Selbst) ²⁾. Чувство и духъ являются лишь орудіемъ и игрушкой этого „самъ“. Такимъ образомъ инстинкты ставятся выше сознательнаго начала въ индивидуумѣ и являются рѣшающей инстанціей въ дѣятельности человѣка. Регулирующая же дѣятельность разума сводится къ нулю. Ницше оказывается антираціоналистомъ, его девизъ: sit pro

¹⁾ Also spr. Zarath, s. 46.

²⁾ Also spr. Zar. s. 47.

ratione voluntas! „Что было мнѣ вѣчное „ты долженъ“, или „не долженъ“. Совсѣмъ иное молнія, буря, градъ, свободныя силы, безъ этики. Какъ счастливы, какъ сильны онѣ, чистая воля, не смущаемая интеллектомъ!“ Мы видимъ, что воля представляется Ницше въ видѣ стихійной силы, а не свободно-сознательной, и она-то именно мыслится у него въ понятіи личности. Но разъ въ понятіи личности выдвигаются на первый планъ ирраціональные элементы психики,—инстинкты и безсознательныя, чисто стихійныя влеченія, то о личности, какъ единой и цѣлостной сущности, не можетъ быть и рѣчи. Она превращается въ фикцію, въ призракъ. Въмѣсто нея оказывается безчисленное множество психическихъ атомовъ. Феноменалистическое пониманіе личности приводитъ къ психическому атомизму, къ своеобразной молекулярной психологіи: имѣются лишь ряды различныхъ психическихъ состояній, не объединенныхъ между собой и только смѣняющихся по законамъ механической ассоціаціи. Что же въ такомъ случаѣ ставить индивидуализмъ въ центрѣ своей жизнедѣятельности? Не личность, а отдѣльныя мгновенія психической жизни, минутныя влеченія, которыя различны между собой до противоположности. Приходится уже говорить о личной этикѣ, а объ этикѣ настроенія, этикѣ мгновеннаго, къ чему и приходятъ послѣдовательные индивидуалисты.

Самъ же Ницше не остается послѣдовательнымъ въ проведеніи своего антираціонализма и феноменализма. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ часто свертываетъ не иную точку зрѣнія. Князь Е. Трубецкой, въ своемъ трудѣ о философіи Ницше, констатируетъ тотъ фактъ, что Ницше постоянно колеблется между точками зрѣнія, между предпочтеніемъ разума и воли. Съ одной стороны здравымъ для него представляется то нравственное ученіе, которое руководствуется жизненнымъ инстинктомъ, не изуродованнымъ работой интеллекта, съ другой, по его воззрѣнію, инстинкты нуждаются въ верховномъ контролѣ сознанія, цѣнно въ нихъ то, что выдерживаетъ критику разума. „Прислушивайтесь лучше къ голосу выздоровѣвшаго тѣла“,—говоритъ Заратустра 1), т. е. слѣдуйте здоровымъ, не извращеннымъ инстинктамъ человѣ-

1) Also spr. Zar., s. 45.

ческой природы. Но какое мы имѣемъ право отдавать предпочтеніе однимъ инстинктамъ предъ другими, одни считать нормальными, другіе ненормальными? Не всѣ ли они одинаково являются элементами „большого разума“, какъ выражается Ницше? Очевидно, Ницше тутъ уже незамѣтно привноситъ иную оцѣнку, оцѣнку разума, противъ котораго онъ такъ вооружается, а ирраціональные элементы отступаютъ на задній планъ. вмѣстѣ съ этимъ эмпирическое и чисто феноменалистическое пониманіе личности подмѣняется другимъ, прямо метафизическимъ. Индивидуальное „я“ для него оказывается уже метафизической сущностью, волей къ мощи, которая проходитъ чрезъ феноменъ жизни. Это позволяетъ Ницше различать въ человѣкѣ эмпирическое „я“ и „я“ идеальное. Субъектъ моральнаго дѣйствования оказывается принадлежащихъ одновременно и къ міру явленій и къ міру вещи въ себѣ. И мы встречаемъ у Ницше рѣчи о „самопреодолѣніи“ (Selbstüberwindung) ¹⁾, преодолѣніи эмпирическаго „я“ во имя „дальняго“, во имя идеала сверхчеловѣка. Люди, по словамъ Заратустра, являются лишь „обломками“ сверхчеловѣка ²⁾. Нужно преодолѣть себя, чтобы приблизиться къ этому идеалу. Въ идеѣ сверхчеловѣка, единого и несравнимаго ни съ кѣмъ, Ницше утверждаетъ существованіе единой, универсальной цѣли челоѣчества, а отсюда логически вытекаетъ признаніе нѣкоторыхъ обязательныхъ для всѣхъ нормъ.

Все это уже свидѣтельствуешь о выходѣ за грани индивидуализма и привлеченіи къ дѣлу началъ иного рода. Этические построенія не укладываются въ рамки индивидуализма и раздвигаютъ ихъ, подобно тому, какъ сжатый паръ распираетъ стѣнки сосуда. Любопытно, что подобное же наблюдается и у Штирнера, хотя тотъ, будучи гораздо послѣдовательнѣе Ницше, и старался удержаться въ предѣлахъ строгаго индивидуализма. Его Единственный (Einzige), который сначала является только эмпирическимъ его, потомъ незамѣтно, преобразовывается въ основу, общую всѣмъ: Единственный—Одинъ—Цѣлое. Точно также и жизнь, которая сначала была лишь жизнью одного, преобразуется за-

¹⁾ Also sprach Zar. s. 165,

²⁾ Also sprach Zar. s. 205.

тѣмъ въ жизнь универсальную ¹⁾. Вслѣдствіе такого процесса расширенія индивидуализмъ Ницше и Штирнера переходитъ въ свою противоположность ²⁾.

Эти наблюденія укрѣпляютъ насъ въ мысли, что трудно, даже, прямо сказать, невозможно при этическихъ построеніяхъ удержаться на почвѣ строгаго индивидуализма. Для окончательнаго убѣжденія въ этомъ необходимо поставить дѣло на принципиальную почву: возможно ли, оставаясь послѣдовательнымъ индивидуалистомъ, создать что либо, хотя бы приблизительно похожее на мораль?

V.

Попытаемся продумать принципы индивидуализма чисто теоретически. Мы видѣли выше, что Ницше, исходя изъ представленія объ условности моральныхъ нормъ, отрицаетъ возможность какого бы то ни было общаго законодательства. Нѣтъ и не можетъ быть никакихъ объективных и, слѣдовательно, общеобязательныхъ нормъ. Выборъ того или иного практическаго поведенія дѣло личнаго усмотрѣнія. Разъ ничего нѣтъ истиннаго, то все позволено ³⁾. Полная свобода выбора такого или иного практическаго канона, вотъ—основной принципъ индивидуализма; каждый имѣетъ право создавать собственную мораль.

Но если такъ послѣдовательно разсуждать, исходя изъ началъ моральнаго релятивизма и субъективизма, то выйдетъ, что не можетъ быть не только общеобязательныхъ нормъ, но даже моральныхъ правилъ, обязательныхъ для отдѣльнаго индивидуума. Мы не можемъ создать и собственной индивидуальной морали. Мораль всегда предполагаетъ синтетическую дѣятельность. Шестовъ, который заявляетъ себя радикальнымъ индивидуалистомъ въ вопросахъ морали, говоритъ между прочимъ; „Моралистъ или синтетическій умъ это—одно и то же, поскребите синтетическаго философа и вы найдете моралиста“ ⁴⁾. Синтетическая дѣятельность нуждается въ извѣстныхъ объединяющихъ идеяхъ, въ нѣкото-

¹⁾ Фулье. Ницше и имморализмъ, стр. 282.

²⁾ Ibid. стр. 285.

³⁾ Also spr. Zar. s. 397.

⁴⁾ А. Шестовъ. Апологъ безпочвенности, стр. 139.

рыхъ общихъ принципахъ. Вотъ послѣднихъ то радикальный индивидуализмъ и не можетъ допустить. Никакого единства въ мірѣ нѣтъ, не можетъ—да, пожалуй, и не должно быть. *Zu fragmentarisch ist Welt und Leben*,—говоритъ Шестовъ, повторяя слова Гейне ¹⁾. Самый продолжительный и разнообразный опытъ не можетъ привести ни къ одному обязательному и всеобщему заключенію ²⁾. Та фрагментарность, которую мы замѣчаемъ вокругъ себя, отличаетъ и нашъ собственный духовный міръ. Между тѣмъ присяжные философы стараются непремѣнно найти порядокъ и гармонію, фабрикують общія идеи, создаютъ стройныя, законченныя системы. Шестовъ беретъ для примѣра „нормативную теорію“, которая, по его мнѣнію, „носить печать той безпечной увѣренности, которой отличается всякая удовлетворенность, не желающая даже для теоретической полноты считаться съ расколотостью духа, сопровождающей обыкновенно неудовлетворенность“ ³⁾. Съ отвращеніемъ говоритъ онъ о „вылощенныхъ, прилизанныхъ, гордящихся своей серьезностью и послѣдовательностью идеяхъ“ ⁴⁾, о „тяжеловѣсной принципиальности и неповоротливомъ догматизмѣ“ ⁵⁾. Наоборотъ, съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ о Ницше, у котораго находитъ „божественную безпочвенность“ ⁶⁾, о Шопенгауэрѣ съ его „живыми, великолѣпными противорѣчіями, свободно и смѣло выставляющимися на показъ“ ⁷⁾.

Твердыя, устойчивыя убѣжденія это—мозоли, грубая и совершенно напрасная татуировка ⁸⁾. Система, порядокъ, гармонія, послѣдовательность, законченность, стройность,—все это придумывается и изобрѣтается для слабыхъ, еще неокрѣпшихъ духомъ, для имѣющихъ потребность въ упряжкѣ или нуждающихся въ помочахъ, костыляхъ и указкахъ. Общія положенія, законы, нужны только ищущему отдыха и покоя человеку, они для него укрѣпляющій соѣзъ ⁹⁾. Гораздо болѣе

¹⁾ Апоеозъ безпочвенности, стр. 115.

²⁾ Ibid. стр. 129.

³⁾ Апоеозъ безпочвенности, стр. 111.

⁴⁾ Ibid. стр. 167.

⁵⁾ Ibid. стр. 263.

⁶⁾ Ibid. стр. 263.

⁷⁾ Ibid. стр. 167.

⁸⁾ Ibid. стр. 172. 173.

⁹⁾ Ibid. стр. 113.

имѣть преимуществъ вѣчно шатающееся, колеблющееся міровоззрѣніе, постоянное безпокойство духа. „Безнадежность—торжественный и величайшій моментъ въ нашей жизни. До сихъ поръ намъ помогали,—теперь мы предоставлены только себѣ. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ людьми и человѣческими законами,—теперь съ вѣчностью и отсутствіемъ всякихъ законовъ“ ¹⁾.

„Мораль, дающая извѣстныя правила и тѣмъ оберегающая на нѣкоторое время жизнь отъ сюрпризовъ, имѣть, говорить Шестовъ, условное значеніе и въ концѣ концовъ пасуетъ предъ аморальной своеобразностью отдѣльных человѣческихъ стремленій“. „Нужно идти не по общей дорогѣ *Allgemeingültigkeit*, а по новымъ, еще не издавшимъ человѣческой ноги, тропинкамъ“ ²⁾. Идея нормы, закона не нужна, ибо творчество есть беззаконіе ³⁾.

Въ концѣ концовъ, Шестовъ становится на точку зрѣнія абсолютнаго моральнаго скептицизма древнихъ софистовъ. „Нужно усумниться не затѣмъ, чтобы потомъ снова вернуться къ твердымъ убѣжденіямъ... Нужно, чтобы сомнѣніе стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни“ ⁴⁾. „Философія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Шестовъ, должна бросить попытки отысканія *veritatis aeternae*. Ея задача научить человѣка жить въ неизвѣстности“ ⁵⁾. Эту задачу въ древности выполняли софисты. Ихъ крайній индивидуализмъ и релятивизмъ привелъ къ отчаянной раскачкѣ моральныхъ сужденій ⁶⁾ и не давалъ застыть въ неподвижности. Такова должна быть, по мнѣнію Шестова, задача моралистовъ и теперь. Отрицая всякую гетерономію, разрушая всѣ заставы, поставленныя феодалами духа, они минуютъ даже автономію и останавливаются на провозглашеніи полной аноміи.

Такъ, признаніе субъективности моральныхъ нормъ,—этический релятивизмъ,—неизбѣжно увлекаетъ мысль въ сторону полнаго моральнаго скептицизма. Отрицаніе *общихъ* нормъ

¹⁾ Апологизъ безпочвенности, стр. 77.

²⁾ Апологизъ безпочвенности, стр. 113.

³⁾ Ibid. стр. 113.

⁴⁾ Апологизъ безпочвенности, стр. 84.

⁵⁾ Ibid. стр. 30.

⁶⁾ Ibid. стр. 57.

уже *implicite* заключаетъ въ себѣ и отрицаніе всякихъ вообще моральныхъ законовъ, самой категоріи должностованія. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи и объ индивидуальной морали, тутъ можно развѣ только говорить, выражаясь языкомъ Шестова, объ аморальной своеобразности поступковъ. Ницше же останавливается на полдорогѣ. Онъ отрицаетъ обязательныя для всѣхъ и каждаго этическія нормы и допускаетъ существованіе личной морали, обязательной только для одного. Изъ представленія о субъективности моральныхъ нормъ, объ отсутствіи объективныхъ, общеобязательныхъ критеріевъ, онъ выводитъ право на свободное творчество какъ будто не замѣчая, что тѣмъ самымъ превращаетъ это творчество въ безцѣльную игру фантазіи. Вѣдь если нѣтъ объективныхъ моральныхъ нормъ для всѣхъ, то ихъ нѣтъ и для немногихъ, даже для одного. Этический релятивизмъ логически приводитъ къ полному скепсису, какъ мы и видимъ на примѣрѣ Шестова. Тутъ этический индивидуализмъ переходитъ уже въ индивидуалистическій аморализмъ.

Впрочемъ, и Шестовъ не можетъ воздержаться отъ скрытаго признанія общихъ нормъ. Свою безпочвенность и безпринципность онъ возводитъ въ принципъ и тѣмъ убиваетъ самъ себя. Это съ одной стороны. Съ другой,—онъ не разъ говоритъ о творческой дѣятельности. „Природа повелительно требуетъ отъ каждаго изъ насъ индивидуальнаго творчества“ ¹⁾. Правда, онъ понимаетъ творчество довольно своеобразно. Такъ для него сомнѣнія является творческой силой, тогда какъ оно есть само по себѣ начало разрушающее, а никакъ не созидающее. Беззаконіе тоже—творческая дѣятельность ²⁾. Но есть у Шестова рѣчи и о положительномъ творествѣ въ области морали. Такъ онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ открывать новые пути, подниматься по такимъ тропинкамъ, по которымъ еще никто не ходилъ ³⁾. Все это предполагаетъ положительную, созидательную работу, а не одну разрушительную, аналитическую. Опять, значить, на сцену должны появиться руководящіе принципы, синтезирующіе элементы. Остается теперь только напомнить

¹⁾ Апоессы безпочвенности, стр. 198.

²⁾ *ibid.* стр. 113.

³⁾ *ibid.* стр. 219, 220.

Шестову его же собственные слова, приведенныя нами выше: „поскребите синтетическаго философа и вы найдете моралиста“ ¹⁾.

Въ концѣ концовъ, и самъ Шестовъ принужденъ сознаться, что культъ безпочвенности недолговѣченъ ²⁾. Только онъ смотритъ на смерть его, какъ на симптомъ начинающагося вырожденія, упадка. „У геніальныхъ отцовъ, говоритъ онъ, рождаются дѣти идиоты“ ³⁾. Мы далѣе увидимъ, что это не правда, что смерть крайняго скептицизма и индивидуализма есть переходная ступень не къ вырожденію, а къ возрожденію.

VI.

Всѣ индивидуалисты, въ частности Ницше и только что упомянутый нами Шестовъ, много говорятъ о свободѣ личности, ея независимости и самоопредѣляемости. Отстаиваніе свободы для нихъ является характеристической чертой. Свобода и независимость въ глазахъ индивидуалистовъ—высшія цѣнности. Они склонны даже приписывать свободѣ абсолютное значеніе, независимо отъ того содержанія, которымъ оно заполняется. Свобода для нихъ болѣе—манящее слово, чѣмъ опредѣленное понятіе. Ницше, впрочемъ, еще допускаетъ, что реальная цѣнность свободы опредѣляется ея цѣлью. „Свободенъ отъ чего? Какое дѣло до этого Заратустръ? Но твое око ясно должно повѣдать мнѣ: свободенъ для чего?“ ⁴⁾. Шестовъ же, повидимому, признаетъ только „свободу отъ чего“, т. е. эмансипацію отъ всякаго внѣшняго контроля и воздѣйствія со стороны. Его понятіе о свободѣ характеризуется отсутствіемъ представленія о цѣли. Онъ мечтаетъ о томъ времени, когда будутъ „жить безъ идей, безъ заранее поставленныхъ цѣлей, безъ предвидѣній, всецѣло полагаясь на случай“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, индивидуалистъ, провозглашая абсолютную цѣнность свободы, въ то же время суживаетъ понятіе о ней, мыслить въ немъ лишь одинъ отрицательный моментъ—независимость. Вслѣдствіе этого основной принципъ индивидуализма, принципъ полнѣйшей сво-

¹⁾ Апоеозъ безпочвенности, стр. 139.

²⁾ *ibid*, стр. 157.

³⁾ *ibid*, стр. 159.

⁴⁾ Also *spg. Zar.* s. 92.

⁵⁾ Апоеозъ безпочвенности, стр. 192.

боды, содержитъ въ самомъ себѣ скрытое ограниченіе. Онъ гласитъ: не иди по общей дорогѣ *Allgemeingültigkeit*, не смѣй дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе, старайся во что бы то ни стало быть самимъ собой, быть самобытнымъ. Однако въдѣ свободное подчиненіе личности тоже есть проявленіе свободы, можетъ быть, даже большей, чѣмъ отказъ отъ подчиненія. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія ультраиндивидуалиста подчиненіе есть униженіе личности, будетъ ли оно добровольное или вынужденное, все равно. Слѣдовательно, онъ разрѣшаетъ не всякую свободу: не допускаетъ наивысшаго проявленія ея, именно, добровольнаго отказа отъ своей воли и свободнаго подчиненія какому либо принципу. Подъ его свободой кроется насиліе надъ личностью, противъ котораго онъ же самъ такъ горячо протестуетъ. Индивидуалистическая концепція свободы не отличается, такимъ образомъ, ни широтой, ни глубиной, страдаетъ внутренней противорѣчивостью и спутанностью.

Эта противорѣчивость и сбивчивость отражается и на другихъ пунктахъ. Индивидуализмъ вмѣстѣ съ свободой выдвигаетъ на первый планъ и моральное право личности, но идея права есть идея производная ¹⁾. Она предполагаетъ уже существованіе извѣстныхъ нормъ, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется содержаніе моральнаго долга, нравственныхъ обязанностей. Мораль долга служить основой для моральнаго права, безъ нея послѣднее оказывается висящимъ на воздухѣ: на что будетъ опираться право, если нѣтъ моральныхъ правилъ, обязательныхъ для всѣхъ? Между тѣмъ, индивидуализмъ склоненъ отрицать общеобязательныя нормы, а тогда ему нельзя настаивать и на моральномъ правѣ.

Необходимо еще замѣтить, что въ сознаніи индивидуалиста право какъ будто существуетъ только для него одного, а не для другихъ. Ницше, напримѣръ, не разъ выражалъ мысль объ этическомъ неравноправіи личности. По его воззрѣнію, существуетъ рѣзкое различіе въ области морали между „господами“ и „рабами“, „чадалами“,—различіе такое, что первые являются самоцѣлю, а вторые лишь средствомъ совершенствованія человѣка. „Сверхлюди“ индивидуалиста-

¹⁾ Виндельбандъ, Прелюдіи. СПб. 1904. стр. 265. 266.

Ницше это—одиночки (Einsiedler), которые наоосомъ дистанціи отдалены отъ прочихъ. Въ этомъ отношеніи они не совпадаютъ хотя бы, напримѣръ, съ представительными типами человѣчества (representative men) Эмерсона, которые тѣсными узами связаны со всѣми прочими. Противоположность между „господами“ и „рабами“ столь велика, по изображенію Ницше, что неравноправіе въ сущности сводится къ полному безправію послѣднихъ. Опять приходится констатировать противорѣчіе въ сужденіяхъ: съ одной стороны—защита моральнаго права, съ другой—косвенная проповѣдь безправія, подобно тому какъ выше было отмѣчено противорѣчіе въ сужденіяхъ о свободѣ: съ одной стороны провозглашенія полнѣйшей свободы, съ другой—скрытое ограниченіе ея.

Логическій анализъ основъ этического индивидуализма показываетъ, что онѣ сами въ себѣ заключаютъ свое отрицаніе. И всякая этическая система, построенная на однихъ индивидуалистическихъ началахъ, при послѣдовательномъ раскрытіи ея, распадается. Индивидуалистическіе принципы, проникнутые изолирующей энергіей вносятъ начало атомизма во всѣ этическія построенія. Ставши центральными, они не могутъ образовать связнаго цѣлаго, и строить на такихъ принципахъ этику это все равно, что созидать храмину на пескѣ, фундаментъ самъ собою разсыпается. Принципы индивидуализма приложимы къ морали только въ извѣстныхъ границахъ, внѣ которыхъ они приводятъ къ абсурду. Впослѣдствіи мы еще возвратимся къ вопросу о роли индивидуализма въ этикѣ и тогда выяснимъ подробнѣе его значеніе въ этой области, а теперь коснемся вотъ чего.

Доселѣ мы разсматривали и оцѣнивали индивидуалистическіе взгляды съ формально-логической стороны, причемъ попутно и вскользь говорили о томъ, какъ индивидуализмъ обосновываетъ свои воззрѣнія. Такъ мы упоминали, что Ницше оправдываетъ *Selbstsucht* ссылкой на то, что сама „жизнь есть въ самомъ существѣ своемъ присвоеніе, поврежденіе, насиліе, угнетеніе“ ¹⁾, что она не знаетъ альтруистическихъ чувствъ. Для своей антитезы „рабовъ“ и „господъ“ онъ находитъ основанія въ антропологіи, которая говоритъ о коренномъ различіи расъ и природномъ, касто-

¹⁾ Jenseits von Gut und Böse, s. 238.

вомъ строѣ общества. Этический аристократизмъ опирается на аристократизмъ крови. Появленіе высшихъ типовъ чело-вѣчества, „львиныхъ натуръ“, обусловливается законами естественнаго отбора и наслѣдственной передачи свойствъ. Въ критикѣ аскетической морали подчеркивается ея противорѣчіе природнымъ инстинктамъ чело-вѣка, естественнымъ законамъ его природы.

Шестовъ тоже ссылается на индивидуализмъ въ окружаю-щей природѣ и не разъ повторяетъ слова Гейне: *Zu frag-mentarisch ist Welt und Leben*.

Въ попыткахъ такого чисто эмпирическаго обоснованія своихъ взглядовъ, индивидуалисты заходятъ такъ далеко, что ихъ этический индивидуализмъ совершенно сливается съ натуралистической моралью. „Законъ для чело-вѣка дол-женъ исходить отъ природы, говоритъ Шестовъ, и не мо-жетъ противорѣчить общимъ міровымъ законамъ“ ¹⁾. При-рода — единственный авторитетный законодатель. Нужно стать сильнымъ, могучимъ, свободнымъ, какъ сама природа, какъ ея стихійныя явленія, громъ и молнія, напри-мѣръ, какъ всѣ живыя существа, стоящія, стоящія близко къ ней, — напр., тигры, пальмы, гремучія змѣи и другіе прекрасные выводки горячаго солнца подъ тропиками ²⁾, а также—перво-бытный чело-вѣкъ, „бѣлокурая бестія“.

Мы не будемъ подробно критиковать этический инди-видуализмъ, поскольку онъ переходитъ въ этический натура-лизмъ. Это отвлекло бы насъ далеко въ сторону. Скажемъ только нѣсколько словъ относительно самой попытки эмпи-рическаго обоснованія индивидуалистической морали. Ницше ссылается на біологію, антропологію и другія эмпирическія науки. Въ естественно-научныхъ теоріяхъ и гипотезахъ онъ почерпаетъ аргументы въ пользу индивидуализма, его прин-циповъ. Но эмпирическія доказательства могутъ только объ-яснять, но не обосновывать этическія построенія. „Отъ зако-новъ управляющихъ дѣйствительной жизнью людей и даже цѣлой вселенной, нѣтъ непосредственнаго перехода къ тому, какъ мы должны поступать, если мы только не примышляемъ здѣсь втихомолку аргументовъ, совсѣмъ выходящихъ изъ

¹⁾ Добро въ ученіи графа Толстого и Ницше, стр. 193.

²⁾ Also spr. Zar. s. 212.

области данныхъ фактовъ и законовъ. Если же мы не будемъ примышлять этихъ постороннихъ аргументовъ, то мы неизбежно будемъ каждый разъ вмѣсто обоснованія морали подсовывать только объясненіе моральныхъ фактовъ, на мѣсто *quid juris* подставлять *quid facti*“¹⁾.

Почерпаемые изъ эмпириіи принципы всегда будутъ страдать условностью, гипотетичностью, ибо такимъ именно характеромъ отличаются всѣ эмпирическія обобщенія. Между тѣмъ Ницше, ссылаясь на біологію, стремится придать объективность и, слѣдовательно, общеобязательность своимъ принципамъ. Такого универсальнаго значенія индивидуалистическіе принципы не могутъ имѣть, какъ не имѣетъ его и метафизическій принципъ „воли къ мощи“, тоже выводимый изъ біологическихъ данныхъ.

Попробуемъ однако представить себѣ, что индивидуалистическіе принципы превратились въ реальный, всеобщій законъ воли. Достигнуты ли были тогда тѣ цѣли, которыя ставятъ себѣ индивидуалисты, а именно максимальное развитіе свободы, независимости и мощи въ личности?

Если взглянуть на индивидуализмъ, какъ на всеобщій *modus agendi*, то нельзя не видѣть, что онъ, проникнутый духомъ сепаратизма, заставляетъ идти всѣхъ вразбродъ. Когда каждый въ области нравственности ставитъ себѣ свою цѣль, избираетъ свой критерій этической оцѣнки, тогда получается такой хаосъ личныхъ стремленій, взаимно сталкивающихся и задерживающихъ другъ друга, что личность въ этой сумятицѣ чувствуетъ себя болѣе стѣсненной, чѣмъ гдѣ либо. Индивидуалисты опредѣляютъ личность по ирраціональнымъ элементамъ психики,—стихійнымъ влеченіямъ и инстинктамъ. Это ирраціональное опредѣленіе личности необходимо устанавливаетъ и ирраціональное опредѣленіе взаимнаго отношенія между людьми. Стихійная воля, которой отдается предпочтеніе предъ разумно-сознательной волей, способна породить только хаосъ. Субъективныя стремленія сталкиваются, скрещиваются между собой, одинъ субъектъ съ своей личной моралью является противовѣсомъ для другого, выступающаго тоже со своей моралью. Каждый, стре-

¹⁾ Н. Городецкій, Нравственное сознаніе человѣчества. Св.-Троицкая Сергіева Лавра. 1903. Стр. 146.

мься достигнуть полной свободы этического самоопредѣленія, неизбежно вовлекается въ борьбу съ другими личностями, которыя тоже стараются утвердить свою независимость. Радикальный индивидуализмъ, будучи переложень на нравы, открываетъ *bellum omnium contra omnes*. Въ этомъ конфликтѣ разрозненныхъ индивидуальныхъ силъ отдѣльная личность должна испытывать странную стѣсненность въ своихъ дѣйствіяхъ. Свобода ея почти исчезаетъ при такой гетерономіи произвола. Полная анархія, безначаліе, совпадаютъ съ деспотизмомъ. Такъ, господство индивидуалистическаго принципа въ жизни людей содѣйствуетъ только тому, что личность снова впадаетъ въ рабство и при томъ гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ какое она испытывала, по представленію Ницше, находясь въ тискахъ ригористической морали.

Индивидуалисты говорятъ, что эта взаимная борьба, хотя и ведетъ къ ограниченію свободы, однако въ то же время является условіемъ для выработки сильныхъ, могучихъ натуръ. Въ этомъ случаѣ они ссылаются на дарвиновскій законъ естественнаго отбора, выживанія наиболѣе приспособленныхъ типовъ. Но законъ естественнаго отбора не обезпечиваетъ непременно сохраненія высшихъ типовъ въ ницшевскомъ смыслѣ этого слова, т. е. личностей съ максимумомъ энергизма. Наибольшей приспособленностью обычно отличаются не высшіе, а низшіе типы, паразиты, посредственности.

Въ борьбѣ за власть (*Wille zur Macht*), когда безграничная притязательность одного сталкивается со столь же безграничной притязательностью другихъ, и сильныя личности растрачиваютъ всю свою силу на противодѣйствіе, такъ что въ результатѣ индивидуалистическая безудержность можетъ привести къ общему измельчанію человѣческаго типа, т. е. къ тому самому, чего такъ боится Ницше. Возможность такого измельчанія открывается еще вотъ съ какой стороны. Индивидуализмъ ставитъ личность въ положеніе отъединенности, оторванности отъ другихъ, настаиваетъ на ея независимости, непроницаемости для вліяній со стороны. Но безъ проникновенія универсальной жизнью, всѣ стремленія личности теряютъ свою мощь и силу. Полнота жизни невозможна въ сферѣ замкнутой въ себѣ индивидуальности. Отъ-

единившись отъ другихъ, личность обрекаетъ себя на постепенное изживаніе, медленную смерть. Эта развязка уско-ряется когда индивидуализмъ принимаетъ демоническую окраску и напрягаетъ всѣ усилія къ абсолютному самоутвер-жденію. Онъ трагически гибнетъ въ этомъ безумномъ вра-щеніи вокругъ своей оси. Къ изображенію этой трагической судьбы индивидуализма мы сейчасъ и перейдемъ.

VII.

Крайній практическій эгоцентризмъ въ самомъ себѣ по-ситъ язву разложенія. Дѣло въ томъ, что, освободившись отъ гнета господствующихъ моральныхъ нормъ и вышедши на просторъ индивидуалистическаго безудержа, индивидуумъ немедленно подпадаетъ подъ "другое, несравненно болѣе тяжкое иго. Онъ фатально поработщается стихійными си-лами, находящимися внутри его самого. Въ человѣкѣ подъ маленькимъ слоемъ сознательной жизни души разстилается цѣлый океанъ таинственной, подсознательной жизни психики. Здѣсь господствуютъ стихійные процессы, здѣсь „шевелится хаосъ“. Будучи оставленъ съ самимъ собой и не признавая надъ собой господства моральныхъ принциповъ, индиви-дуумъ подпадаетъ исключительному вліянію этихъ стихій-ныхъ, механическихъ процессовъ. Вышедши на просторъ, эти стихіи, подобно разлившейся рѣкѣ, уносятъ въ своемъ дикомъ стремленіи и самого субъекта. Онъ тонетъ въ этомъ громадномъ морѣ инстинктовъ, гдѣ бушуютъ страсти, бо-рются противоположныя влеченія. Личность раскалывается на безчисленное множество взаимно-противорѣчивыхъ эле-ментовъ и человѣку приходится испытывать страшное чув-ство расколотости, раздробленности своей души. Съ другой стороны даетъ о себѣ знать и попорченная ультраиндивиду-алистомъ мораль. „Вы хотите уничтожить нравственность, говоритъ одинъ изъ героевъ драмы Шишгородскаго „Золо-тое Руно“,—такъ называемую нравственность,—вы спраши-ваете, что такое добро и зло,—и забываете о существованіи таинственной внутренней нравственности въ каждомъ по-ступкѣ“. Тутъ особенно обостряются страданія, причиняемые человѣку неотвязчивымъ голосомъ совѣсти. Гордый индиви-дуалистъ чувствуетъ постоянно какую-то преграду внутри себя, хочетъ дерзновенно перешагнуть ее,—переступаетъ, но

вмѣсто ожидаемаго облегченія получаетъ еще большія страданія. Интенсивное до боли чувство разлада, расколотости души, рождаетъ страшную усталость, мучительное изнуреніе.

Этотъ поразительный по своему трагизму процессъ распада живой личности, тщетно старающейся утвердить свою самодовлѣмость, яркими красками изображенъ въ извѣстномъ романѣ Пишибышевскаго—„Номо Sapiens“. Фалькъ, герой этого романа, хочетъ воплотить въ себѣ ницшеанскій идеаль сверхчеловѣка въ его индивидуалистической концепціи, хочетъ стать автономнымъ сверхнравственнымъ индивидуомъ. Онъ не признаетъ никакихъ другихъ законовъ, кромѣ хотѣній своего „я“. „Боже, что такое нравственность?—разсуждаетъ про себя Фалькъ. Онъ не знаетъ другой силы, кромѣ силы чувства. Моральный долгъ можетъ связывать только слабыхъ людей, но сильная личность, свободная отъ всякихъ „моральныхъ предразсудковъ“, не боится на все осмѣлиться, на все рѣшиться, дерзновенно противопоставить себя всему и всѣмъ.

Фалькъ послѣдовательно совершаетъ цѣлый рядъ преступленій. Онъ доводитъ до самоубійства своего друга Микиту, у котораго отбилъ его невѣсту, губить молодую дѣвушку Маритъ: она, соблазненная имъ, бросается въ омутъ, а онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что вѣдь чѣмъ же бываетъ виновата молнія, если она нечаянно убила бѣлую голубку. Фалькъ отождествляетъ себя съ природой, а она губить и уничтожаетъ такъ же равнодушно, какъ творить и создаетъ. Почему человѣкъ не долженъ грабить, убивать, когда въ жизни природы происходятъ постоянныя убійства, почему онъ долженъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки? Природа, думаетъ Фалькъ, нарочно устроила мозгъ, этотъ плохой сфигмографъ, чтобы свалить на человѣка вину за преступленія. Но мозгъ Фалька „безстыденъ“. Онъ хочетъ быть самодовлѣющимъ какъ божество, могучимъ, какъ сама природа.

Однако на днѣ его души все еще находится „старый предразсудокъ“. Жгучій нравственный стыдъ, раскаяніе за совершенныя имъ преступленія, не перестаютъ мучить его. И онъ хочетъ во что бы то ни стало заглушить голосъ совѣсти, забыться въ безумныхъ оргіяхъ. Въ его душѣ—мальстремъ, который бѣшенѣе всякихъ мальстремовъ, разбиваю-

щихъ въ дребезги громаднѣйшіе корабли и разсѣивающихъ ихъ обломки по океану. Фалькъ заблудился окончательно въ потемкахъ своей души, попалъ въ самую стремнину водоворота, который тянулъ его внизъ все глубже и глубже. „Вы знаете, что такое мальстремъ? Конечно знаете: вихрь, водоворотъ... Вода взымается бѣшеннымъ гейзеромъ, который снова кружась, падаетъ въ глубину, валится въ страшную открытую пропасть... А знаете, что происходитъ, когда человѣкъ попадетъ въ такой мальстремъ? Мальстремъ втягиваетъ въ себя, снова, какъ мячъ, выбрасываетъ вверхъ, потомъ снова рветъ въ пропасть и снова выбрасываетъ вверхъ“ ¹⁾.

Такъ описываетъ Фалькъ свое собственное душевное состояніе. Подхваченный потокомъ несущимъ его съ головокружительной быстротой внизъ, въ бездну, онъ тщетно ищетъ точки опоры, устоя, за который можно было бы уцѣпиться. Но въ душѣ его полный разбродъ, не на что опереться, всѣ устои подгнили. Человѣкъ падаетъ подъ напоромъ слѣпыхъ, стихійныхъ силъ своей природы. Фалькъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ горькому, мучительному сознанію своей беспомощности и неминуемой гибели. „Я? Что такое я?“—спрашиваетъ онъ себя самого, и отвѣчаетъ: „Я человѣкъ, обреченный на вымираніе. Я послѣдній человѣкъ“ ²⁾. „Послѣдній человѣкъ“,—такъ называетъ себя Фалькъ. Не иронія ли это судьбы, что индивидуалистъ, въ своемъ вращеніи вокругъ собственнаго „я“, самъ попадаетъ на ту же плоскость, на которой, находится окружающая его пошлая среда? Вспомнимъ рѣчь Заратустры къ народу о „послѣднемъ человѣкѣ“ ³⁾. Фалькъ въ концѣ романа—живой образъ этого человѣка.

Черскій, одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ разбираемаго романа, говоритъ, между прочимъ, Фальку: „Знаю, знаю, что для васъ не существуетъ понятія человечества. Ваша душа слишкомъ мала, чтобы объять весь свѣтъ... Все въ васъ грязно и мелко... Что такое ваша философія? Читалъ я вашего Штирнера и Ницше. Все это ложь. Все мелкая, низкая

¹⁾ Пшибышевскій, Homo Sapiens. Изд. Саблина. стр. 360.

²⁾ Homo Sapiens, стр. 369.

³⁾ Also spr. Zar. s. 19.

ложь. Надо было устранить все великое,—и любовь, и милосердіе, и подвигъ, и человѣчество, и Бога, потому что все это мѣшаетъ вашему пищеваренію. Я и еще разъ я,—говорите вы. Но что же такое ваше Я? Противоядіе противъ мукъ совѣсти? Ваше Я служить только для того, чтобы придать вамъ смѣлость нарушить ваши маленькіе законы, регулирующие ваши мелкія желанія. Не смотря на свой богатый индивидуализмъ, вы, Фалькъ, все же маленькій, маленький человѣкъ“ ¹⁾).

Черскій срываешь тогу величія, которой окутывается гордый индивидуализмъ, и открываетъ внутри тѣ же элементы мѣщанства, пошлости, какія послѣдній находилъ въ окружающей средѣ и горячо возмущался. Сатаническій индивидуализмъ кичится смѣлымъ поправленіемъ всѣхъ традицій, титанической борьбой съ окружающей средой, съ міромъ, съ Самимъ Богомъ. Онъ самодовольно оглядывается на себя, рисуется своимъ трагическимъ положеніемъ. Но вотъ онъ стоитъ предъ нами здѣсь, разоблаченный въ своемъ внутреннемъ ничтожествѣ. Весь трагизмъ одиночества исчезаетъ какъ дымъ, такъ какъ надъ нимъ кроется мѣщанское стремленіе уйти въ свою нору. Отвергая все, что доселѣ считалось великимъ, онъ въ сущности оказывается ничѣмъ не лучше и не выше тѣхъ лицъ, которые ищутъ въ нравственности хорошаго сна и избѣгаютъ нарушенія ея правилъ, потому что это причиняетъ муки совѣсти и „вредитъ желудку“, по ироническому выраженію Заратустры ²⁾. Подъ внѣшней грандіозностью замысловъ, смѣлостью желаній скрывается на самомъ дѣлѣ самая мелкая пошлость.

Слова Черскаго произвели на Фалька сильное впечатлѣніе. Онъ съ жаромъ восклицаетъ: „Черскій, вы правы, вы до странности правы. Это—жалкая жизнь, жизнь червя, который залѣзъ въ муку“ ³⁾. „Любятъ меня, считая великимъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, а я только бѣдный, жалкій червякъ“ ⁴⁾.

Таковъ финалъ горделивыхъ притязаній индивидуума на абсолютное значеніе. Мы здѣсь наглядно видимъ, какъ не-

¹⁾ Homo Sapiens, стр. 365.

²⁾ Also spr. Zarath. s. 38.

³⁾ Homo. Sapiens, стр. 370.

⁴⁾ Homo Sapiens. стр. 361.

умолимая логика дѣйствительности дѣлаетъ изъ индивидуализма окончательные выводы и заключенія. Крайній индивидуализмъ неизбежно обреченъ на смерть. Пшибышевскій въ одной изъ своихъ статей, которая озаглавляется: „Къ психологій индивидуума“, нарисовалъ, выражаясь его собственными словами, „клиническую картину“ непомѣрнаго развитія въ индивидуумѣ чувства своего „я“. Разсуждая о причинахъ гибели индивидуума, стремящагося къ абсолютному утвержденію своей „самости“ (Selbst), Пшибышевскій замѣчаетъ: „Неизбѣжность гибели подобной личности лежитъ не въ самыхъ отношеніяхъ, заключается не во внѣшнихъ причинахъ, но въ самомъ индивидуумѣ, въ основахъ его собственной природы, въ его высокомъ развитіи“. Интенсивное чувство „я“, утвержденіе себя въ отдѣльномъ бытіи въ себѣ и для себя, надрываетъ душевный организмъ и индивидуумъ падаетъ подъ тяжестью своего собственного „я“, порвавшего нити, связывающія его со всѣмъ человѣчествомъ.

Христосъ сказалъ: „познайте истину и истина освободитъ васъ свободными“. Евангельскій путь къ свободѣ ведетъ черезъ истину. И эта свобода, прошедшая черезъ истину, является неизсякаемымъ источникомъ моральныхъ улучшеній. Индивидуалисты рекомендуютъ иной путь, совершенно обратный: станьте сначала свободными, выполнѣ независимыми отъ кого бы то ни было, и тогда вы познаете истину. Но какъ видимъ, индивидуалистическая свобода и вседозволенность открываютъ имъ глаза на ихъ же собственное ничтожество. Индивидуумъ убѣждается въ обманчивости, призрачности этого рода свободы. Горечь, которая заключена на днѣ крайняго индивидуализма, рождаетъ жажду приобщенія къ цѣлому, жажду единенія, религіи, гдѣ открывается просвѣтъ въ царство истинной свободы.

Любопытно наблюдать въ современномъ декадентствѣ и модернизмѣ постепенный переходъ индивидуалистической мысли въ сторону универсализма, передвиженіе въ область религіозныхъ исканій. Въ лабораторіи жизни, по словамъ Иванова ¹⁾, вырабатывается синтезъ личнаго начала и собор-

¹⁾ Вопросы Жизни 1905 г. сентябрь В. Ивановъ, Кризисъ индивидуализма. стр. 59.

наго, образуется первая завязь религіознаго роста, эстетизмъ декадентовъ переплескивается въ теософію (Андрей Бѣлый) ¹⁾. Изъ устъ индивидуалиста мы слышимъ такія слова: „Мы отпали отъ первоисточника,—соединимся съ нимъ, но не теряя себя. Будемъ, какъ солнце, которое со всѣми нашими звѣздами уносится къ далекому созвѣздію Геркулеса. но живетъ для себя, какъ солнце ²⁾. В. Ивановъ въ своей статьѣ: „Кризисъ индивидуализма“ характеризуетъ общее настроеніе прежнихъ индивидуалистовъ такъ: „Уже всѣ мы равно живемъ хорovýmъ духомъ и соборнымъ упованіемъ“ ³⁾. „Мы стоимъ подъ знакомъ соборности“ ⁴⁾. Если прежде индивидуалисты не видѣли у Ницше ничего, кромѣ тѣхъ идей, которыя обуславливали ихъ собственное міровоззрѣніе, и брали идею сверхчеловѣка исключительно только въ ея индивидуалистической концепціи, то теперь они останавливаютъ преимущественное вниманіе на религіозной концепціи ея. „Сверхчеловѣческое уже не индивидуальное“,—заявляетъ В. Ивановъ,—„Сверхчеловѣкъ убилъ индивидуализмъ“ ⁵⁾.

Мы подвергли формально-логической критикѣ основныя начала этического индивидуализма и указали тѣ противорѣчія, въ какія послѣдній неизбѣжно впадаетъ, стремясь занять преобладающее мѣсто въ общемъ этическомъ созерцаніи. На примѣрѣ Ницше мы видѣли, что субъективная этика индивидуализма безсильна удержаться въ предѣлахъ избраннаго принципа, чувствуетъ потребность въ нѣкоторомъ сверхиндивидуальномъ принципѣ и незамѣтно возвращается опять къ допущенію нѣкоторыхъ объективныхъ моральныхъ цѣнностей. На примѣрѣ Шестова мы имѣли случай убѣдиться, что послѣдовательно проведенные принципы индивидуализма отрицаютъ сами себя. Наконецъ, нами было отмѣчено и то, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ радикальный этический индивидуализмъ на практикѣ: онъ создаетъ анархію и самъ вырождается въ узкое себялюбіе или же въ отчаянный са-

¹⁾ Новый Путь 1904, ноябрь, стр. 123.

²⁾ Ibid. стр. 103. 104.

³⁾ Вопросы Жизни. Сентябрь, стр. 54—55.

⁴⁾ Ibid. стр. 59.

⁵⁾ Вопросы Жизни 1905, сентябрь, стр. 54. 55.

таннизмъ, носящій въ самомъ себѣ смерть, разрушеніе и уничтоженіе. Художественное изображеніе его мы находимъ въ героѣ романа Homo Sapiens,—Фалькѣ. О немъ Гродскій, въ заключительной части романа говоритъ: „Ты только развалины прежняго Фалька“.

Естественный выводъ отсюда получается такой. Принципы индивидуализма не могутъ имѣть центральнаго значенія въ области нравственности. Измѣнчивая индивидуальная мораль, „мораль гипотезъ“, по выраженію Гюйо, не можетъ стать на мѣсто объективныхъ нормъ, имѣющихъ безусловное значеніе и потому общеобязательныхъ. Но несомнѣнно, что индивидуализмъ имѣетъ и свои правыя стороны, которыя находятъ примѣненіе въ нравственной области. Опредѣленіемъ этого относительнаго и условнаго значенія индивидуализма мы сейчасъ и займемся, коснувшись по связи и вопроса о томъ, какую роль сыгралъ современный индивидуализмъ въ дѣлѣ оживленія морали.

VIII.

Слишкомъ ошибочно было бы видѣть въ этическомъ индивидуализмѣ нашего времени одни потуги на оригинальность, или же просто смотрѣть на него, какъ на ненормальное, патологическое явленіе (*moral insanity*)¹⁾. Нѣтъ, онъ имѣетъ серьезныя основанія въ самой жизни и является скорѣе симптомомъ грядущаго оздоровленія и обновленія этической атмосферы. Для надлежащей оцѣнки его необходимо охарактеризовать, хотя кратко, жизненное положеніе индивидуалистическихъ запросовъ и стремленій.

Современныя теоріи личной морали возникли на почвѣ недовольства существующими формами моральнаго сознанія и вообще укладомъ нравственной жизни. Ницше, какъ выражается одинъ критикъ (Андреевичъ), это—„голосъ изъ нѣкоторой таинственной глубины европейской неудовлетворенности“. Такіе люди, какъ Ницше, это—великое предчувствіе

¹⁾ E. Hartmann, *Ethische Studien*. Leipzig. 1898. S. 63: Wir leben in einem Zeitalter der Neurasthenie und der Neurosen, und noch erschreckender als die zunehmende Füllung der Irrenhäuser und Heilanstalten ist die wachsende Degeneration des Gefühlslebens bei den frei Herumlaufenden mit erblicher nervöser Belastung; wie sollte da nicht die Philosophie des moralischen Irreseins (*moral insanity*) ihr dankbares Publikum finden (Nietzsche's „neue Moral“).

и великое предупрежденіе. Своимъ ученіемъ онъ задаетъ каждому человѣку вопросъ: „скажи, гдѣ твоя личность, гдѣ твое „я“? Современный индивидуализмъ не углубляетъ понятія личности, не вноситъ новыхъ характеристикъ въ ея опредѣленія. Даже болѣе того, даваемая имъ опредѣленія личности страдаютъ спутанностью, неясностью, но зато онъ живо чувствуетъ этическую цѣнность индивидуальной личности и стремится возратить ей значеніе, принадлежащее ей по праву.

Этическій индивидуализмъ не даетъ разрѣшенія моральной проблемы и не можетъ дать ея, но важно то, что онъ побудилъ тщательно пересмотрѣть этическіе взгляды, господствующіе въ настоящее время. Ницше, преувеличивая значеніе своего моральнаго радикализма, говоритъ: „Во всей доннѣ существовавшей наукѣ о морали недоставало,—какъ это ни странно звучить,—самой проблемы нравственности, не существовало даже и подозрѣнія,—что здѣсь есть что-либо проблематическое. То, что философы называли обоснованіемъ морали и чего они требовали отъ себя, было только въ сущности ученой формой доброй вѣры въ господствующую мораль, т. е. однимъ изъ фактовъ въ предѣлахъ этой же морали, иначе говоря, въ концѣ концовъ просто отрицаніемъ того, что мораль можетъ быть представлена въ видѣ проблемы“¹⁾. Ницше, конечно, не правъ, утверждая, что будто бы ранѣе его никто не приступалъ къ коренной критикѣ моральныхъ цѣнностей. На протяженіи вѣковъ философская мысль не разъ ставила вопросительный знакъ надъ этическими понятіями. Радикализмъ же Ницше въ сущности неидетъ дальше критики „нравственности нравовъ“ (*Sittlichkeit der Sitten*) т. е. чисто практической переоцѣнки моральныхъ цѣнностей, которая давно уже были выворочены, если можно такъ выразиться, на изнанку, вслѣдствіе господства въ моральной атмосферѣ, съ одной стороны, мѣщанскаго духа, а съ другой—духа жесткаго номизма.

Критикуя утилитаризмъ, гедонизмъ и эвдемонизмъ, Ницше превосходно раскрылъ, какая паутина мѣщанской пошлости окутываетъ эти формы морали и не только окутываетъ, но и пронизываетъ насквозь. Возстаніе противъ мѣщанства въ

¹⁾ См. у Л. Шестова: Добро въ ученіи гр. Толстого и Ницше, стр. 169

области морали вотъ одна изъ главныхъ заслугъ Ницше. Этимъ онъ болѣе всего привлекаетъ къ себѣ. Подъ вліяніемъ его уничтожающей критики позитивисты вносятъ поправки въ свои этическіе идеалы, которые въ существѣ своемъ также заражены духомъ мѣщанства съ его проповѣдью о сытой и спокойной жизни, какъ высшемъ благѣ. Прочитайте напр. статьи Луначарскаго, позитивиста и марксиста ¹⁾, и вы на каждомъ почти шагу встрѣтитесь съ чисто ницшевыми идеями, которыя прежде являлись для ортодоксальнаго марксизма еретическими ²⁾.

Борьба Ницше противъ моральной гетерономіи, борьба горячая и страстная, имѣла то значеніе, что заставила обратить вниманіе на господство номизма въ этикѣ. Дѣло въ томъ, что христіанская мораль часто принимаетъ характеръ казуистической системы, юридическаго кодекса съ самой мелочной регламентаціей нравственнаго поведенія. Люди въ области морали руководятся болѣе внѣшними формулами, чѣмъ духомъ христіанской нравственности. Было бы интересно прослѣдить подробно этотъ процессъ постепеннаго превращенія морали въ сухой кодексъ правилъ, но въ данномъ случаѣ достаточно констатировать тотъ фактъ, что моральныя нормы предстоятъ сознанію многихъ, какъ нѣчто чуждое имъ, извнѣ навязанное, и приобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ „аскетической морали“ ригористическій колоритъ. Не теоретическій вопросъ о томъ, гдѣ залегаютъ основанія нравственности, былъ исходнымъ пунктомъ разсужденій Ницше, а констатируемая сознаніемъ антиномія между моральнымъ долгомъ и личными склонностями. Заратустра очень часто останавливаетъ вниманіе на этомъ противорѣчій и выражаетъ желаніе, чтобы добродѣтель была, такъ сказать, эманиціей собственной природы, выводомъ изъ внутренней сущности (*das Selbst*). „Пусть будетъ ваша добродѣтель—ваше само, а не нѣчто чуждое, не кожа, не одѣяніе“ ³⁾. Провозглашаемая имъ начала индивидуализма, по которымъ каждый въ области морали имѣетъ право создавать свой собственный критерій, и направляются къ тому,

¹⁾ См. журналы *Образованіе* и *Правда* за послѣдніе годы.

²⁾ Изгоевъ: „Со стороны“ (*Образованіе* 1902, ноябрь, стр. 131).

³⁾ Also sprach Zarath. s. 136.

чтобы сблизить содержаніе нравственнаго долга съ естественными влеченіями человѣческой природы. Въ попыткахъ преодолѣть антиномію долга и склонностей Ницше, а съ нимъ и другіе индивидуалисты, увлекаются въ сторону эмпиризма и ихъ этическія построенія принимаютъ форму натуралистической морали. Тѣмъ не менѣе ихъ крайности только способствуютъ уясненію и раскрытію правыхъ сторонъ индивидуализма.

Индивидуализмъ въ извѣстныхъ границахъ является необходимымъ элементомъ въ нравственности. Въ то время какъ основные этическіе принципы являются, такъ сказать, статикой морали, индивидуальное начало играетъ роль подвижнаго, динамическаго элемента. Индивидуализація нравственнаго долга естественно вытекаетъ изъ факта разнообразія индивидуальныхъ характеровъ, ихъ многотипности. „Не у всѣхъ людей, говоритъ Геффдингъ,—одинаковыя инстинкты и задатки. Одно и тоже этическое требованіе далеко не одинаково ложится на различныхъ индивидуумовъ. Различны начальный пунктъ и начальная скорость. Этическое велѣніе должно быть различно формулировано для разныхъ индивидуумовъ; иначе оно не одинаково для всѣхъ... Необходимо индивидуализировать этическія требованія, иначе сама же этика грѣшитъ противъ того принципа, что личность всегда должна быть цѣлью, а не только средствомъ“ ¹⁾. Нравственные принципы указываютъ только общее направленіе, въ которомъ долженъ двигаться субъектъ моральнаго дѣйствованія, частію же они раскрываются для cadaго своеобразно. Подлинное искреннее и интенсивное нравственное чувство и невозможно иначе какъ въ индивидуальной формѣ. Мораль жизненна и сильна только какъ личное переживаніе, когда не оказывается нужды въ подробной регламентаціи и указахъ. Мелочное таксированіе всей нравственной жизни ведетъ лишь къ высуханію живого ключа нравственной энергіи. А разъ изсякаетъ жизненный ферментъ, то на первый планъ начинаютъ выдвигаться сухія внѣшнія формулы. Въ этихъ же формулахъ часто отлагаются такія наслоенія, которыя не имѣютъ никакой органической связи съ подлинными, чистыми началами нравственности.

1) Геффдингъ, Философскія проблемы, стр. 104. 105.

Вокругъ евангельскаго закона любви нарастаетъ нѣчто въ родѣ „преданій старцевъ“. И такъ какъ живыя этическія переживанія оттѣснены на задній планъ, а напередъ выдвинуты избитыя положенія и формулы, то эти постороннія примѣсы и наслоенія остаются незамѣченными, не сознаются ихъ несоотвѣтствіе и противорѣчіе прямому духу евангельскаго нравственнаго ученія. При такомъ положеніи вещей нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что для иныхъ быть нравственнымъ это значитъ исполнять приказанія начальства, для другихъ это значитъ—слѣдовать правиламъ „приличнаго поведения“.

Вмѣсто живого, творческаго дѣланія получается рутина, шаблонныя поступки. Нравственность принимаетъ квіэтистическую форму, а субъектъ нравственнаго дѣйствія превращается въ какого-то автомата, механически копирующаго традиціонныя обычаи. Ницше очень картинно изображаетъ это состояніе, это „дреманіе“ нравственнаго чувства. „Есть иные, именующіе добродѣтелью лѣнивое состояніе своихъ пороковъ. Есть и иные, подобные часамъ съ ежедневнымъ заводомъ; они дѣлаютъ свое тикъ-такъ и хотятъ, чтобы „тикъ-такъ“ называлось добродѣтелью... Есть и такіе, которые сидятъ въ своемъ болотѣ и такъ говорятъ оттуда: „добродѣтель—значитъ сидѣть смирно въ болотѣ! Мы никого не кусаемъ и избѣгаемъ тѣхъ, кто хочетъ кусаться; и во всемъ мы придерживаемся того мнѣнія, какое вамъ даютъ“. Опять-таки есть и такіе, что любятъ жесты и думаютъ: добродѣтель есть родъ жестовъ“¹⁾. И всѣ подобные люди воображаютъ, что они участвуютъ въ добродѣтели.

Личности съ активными наклонностями и творческими стремленіями, конечно, не выносятъ такого положенія вещей, имъ душно въ этой атмосферѣ застоя и рутины. Они не хотятъ укладывать свою дѣятельность въ готовыя рамки, и поднимаютъ бунтъ противъ тиранніи „нравственности правовъ“. Въ своихъ индивидуалистическихъ порывахъ онѣ заходятъ иногда слишкомъ далеко, но если откинуть крайности, то никакъ нельзя отказать современному индивидуализму въ благотворномъ вліяніи на оживленіе и освѣженіе моральной атмосферы, проникнутой, какъ мы уже говорили

1) Also spr. Zar. s. 136. 138.

выше, съ одной стороны духомъ мѣщанства, съ другой—духомъ номизма. „Въ настоящее время, говоритъ Е. Гартманъ въ своей „Феноменологіи нравственнаго сознанія“, когда самые основные устои нравственно-правового порядка подвергаются переоцѣнкѣ, даже самый простой человѣкъ стоитъ предъ обязанностью пересмотрѣть внутри своего духа глубочайшія проблемы этики“. Если въ этомъ пересмотрѣ и переоцѣнкѣ моральныхъ цѣнностей индивидуализму усвоивается не цѣлевое, а методологическое значеніе, то онъ убиваетъ лишь тлѣнныя части морали, т. е. совершенно сторонніе наросты, временно-историческія примѣсы и наслоенія. Тутъ отдѣляется зерно отъ шелухи, пшеница отъ племель.

Реализація здоровыхъ требованій, выдвинутыхъ современнымъ индивидуализмомъ, можетъ лишь способствовать возрожденію христіанской морали въ духѣ и истинѣ Христовой. Внутреннія цѣнности возвысятся надъ внѣшними формулами и чистый ликъ евангельской нравственности представитъ тогда для современнаго сознанія во всей своей полнотѣ.

Теперь же индивидуалисты смотрятъ на христіанскую нравственность сквозь призму наличной дѣйствительности и обыкновенно отождествляютъ ее или съ моралью состраданія, или же съ узко-ригористической этикой. Многія возраженія и нападки индивидуалистовъ на христіанскую мораль основаны именно на этомъ отождествленіи. Такъ Ницше бросаетъ упрекъ христіанству, что оно, проповѣдуя одни пассивныя, страдательныя добродѣтели, убиваетъ въ человѣкѣ активную, творческую энергію. Въ своей же „Генеалогіи морали“ онъ не отдѣляетъ христіанскую нравственность отъ того, что онъ называетъ „аскетической моралью“. Понимая аскетизмъ, какъ теорію самоуничтоженія личности, Ницше противопоставляетъ ему свой индивидуализмъ, какъ теорію самоутвержденія личности.

Не трудно, однако, убѣдиться, что христіанская этика не укладывается въ рамки ни той, ни другой морали. Она слишкомъ узка для нея, ея горизонтъ гораздо шире.

Такъ прежде всего пужно замѣтить, что христіанство вовсе не проповѣдуетъ однѣ только пассивныя, „женственныя“ добродѣтели. Нѣтъ, въ немъ несомнѣнна наличность и актив-

наго элемента, „мужественных“ добродѣтелей. Только эти мужественныя добродѣтели никогда не принимаютъ формы грубаго насилія, жестокости. Индивидуалистъ - Ницше совершенно несправедливо смѣшиваетъ два понятія: активность и агрессивность ¹⁾. Онъ полагаетъ, что быть активнымъ это значить нападать. Но активность вполне возможна и безъ жестокости и насилія, какъ это Ницше самъ показалъ въ своемъ ученіи о „Дарящей добродѣтели“.

Что же касается аскетическаго элемента въ христіанской морали, то несправедливо утвержденіе Ницше, будто это есть теорія самоуничтоженія личности. Вѣдь по существу идея аскетизма близко напоминаетъ идею индивидуализма: то же отъединеніе, то же углубленіе въ себя. Существенная разница та, что этотъ христіанскій индивидуализмъ проникнутъ универсальными элементами. Внутренняя соборность сознанія отличаетъ его отъ самозамкнутаго эгоцентризма. Христіанская мораль вовсе не стремится убить личность въ человѣкѣ. Напротивъ, она внесла очень много въ созданіе самой идеи личности и ея правъ. Тѣ принципы, на коихъ она основана, содѣйствуютъ облагороженію человѣческой личности, которая, освобождаясь отъ узкаго себялюбія, достигаетъ высшей степени свободы, но не внѣшней, а внутренней. Разумѣемъ христіанскую свободу въ духѣ, о которой такъ часто говоритъ въ своихъ посланіяхъ ап. Павелъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ въ заключеніе. То духовное броженіе, которое связывается съ именами Ницше, Шестова и другихъ индивидуалистовъ, еще не отлилось въ опредѣленныя формы и есть данныя за то, что оно въ концѣ концовъ отоляется совсѣмъ не въ тѣ доктрины, въ которыя теперь облакается. Въ статьѣ о Сверхчеловѣкѣ Ницше мы имѣли случай отмѣтить, что у Ницше теоретическія построенія часто не соотвѣтствуютъ и даже противорѣчатъ подлиннымъ чувствамъ, которыя одушевляли его; послѣднія иногда буквально рвутся изъ чуждой имъ оболочки. Безчисленныя противорѣчія въ ницшевскихъ воззрѣніяхъ это лишь отраженіе внутренняго броженія и центръ интереса естественно

¹⁾ Фулье. Ницше и имморализмъ. СПб. 1905. стр. 102 и дал.

переносится на эти состоянія ферментирующагося сознанія. Въ нихъ таятся зародыши новыхъ формъ морали. Не духъ „сверлящаго“ скептицизма, а живительный, творческій духъ витаєтъ надъ этимъ хаосомъ, который разстилается предъ нами въ моральномъ анархизмѣ нашего времени. Уже теперь этическій индивидуализмъ замѣтно эволюціонируетъ въ сторону универсальныхъ этическихъ идеаловъ. Еще немного и предъ нами, можетъ быть, ясно обрисуются контуры новаго этического сознанія, которое пока еще только брезжитъ въ имморализмѣ новѣйшихъ декадентовъ ¹⁾.

„Wachet und horcht!“,—говоритъ Заратустра-Ницше въ своей, замѣчательной по красотѣ и силѣ поэтическаго вдохновенія, главѣ: „О дарящей добродѣтели“,—*Von der Zukunft her kommen Winde mit heimlichen Fügelschlagen; und an feine Ohren ergeht gute Botschaft...*

Wahrlich, eine Stätte der Genesung soll noch die Erde werden! Und schon liegt ein neuer Geruch um sie, ein Heil bringender,—und eine neue Hoffnung.“

С. Знаменскій.

27 марта 1906 г.

✎

¹⁾ Ср. Е. Лозинскій, *Современныя этическія исканіе* (Образованіе 1904, сентябрь, стр. 46).